

классик

мир навыорот — наш быт

«Изнанка Гогена»

Юрия Мамлеева

Газета. 2002. 22 окт. —
НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВ — С. 15.

На самом деле выход этого сборника Юрия Мамлеева интересен не столько сам по себе. Его даже новым изданием назвать трудно. Рассказы, в него вошедшие, хорошо известны. Так что примечателен он по совершенно иным причинам.

Эта невзрачная, слепая — то есть без предисловия, комментариев и даже без сколько-нибудь внятной аннотации, — небольшого формата книжка, отпечатанная на газетной бумаге издательством «Вагриус», на самом деле означает не что иное, как причисление Юрия Мамлеева к литературным классикам. Хотя бы потому, что именно так «Вагриусом» были изданы хрестоматийно известные произведения Бунина и Куприна.

Иными словами, по мнению издателей, представлять Юрия Мамлеева, литературная слава к которому пришла на Западе в восьмидесятых годах прошлого века, когда в Париже начали выходить его книги, вроде бы отечественному читателю не надо. Гротескный и фантастический мир Мамлеева, выстроенный под явным влиянием поэтики Гоголя и Достоевского, говорит сам за себя. И действительно говорит.

Бытовые фантазмы Мамлеева на тему советской действительности воспринимаются сегодня отстраненно. Это устоявшаяся проза, живущая уже не по законам актуального времени, перешедшая в другое измерение. Мамлеевские уроды и выродки советского бытового небытия уже не пугают. Они как будто обернуты плотной литературной пленкой и воспринимаются на равных с каким-нибудь Передоновым или подпольным парадоксалистом (например, вопиющее сходство мамлеевской «Тетради индивидуалиста» и «Записок из подполья» Достоевского не заметить невозможно).

И сюжеты рассказов как будто обретают аллегорическую прозрачность. Как рассказ «Городские дни» — история о том, как ужас и гроза небольшого городка милиционер Василий Антонович лишился своей силы и власти в тот момент, когда на голову ему надели чугунок. Городок ненадолго вздохнул свободно. А потом ужас пришел снова. Жизнь не стала менее страшной.

У Мамлеева жизнь страшна своей беспроектной пустотой, которую лишь подчеркивает довольно вычурный мир. Города, «гноящиеся людишками», подпольные люди, помешанные на своем ничтожестве и величии, маньяки, убивающие сразу и «помаленьку» («помаленьку мы все друг друга убиваем» — «Дневник молодого человека»), вампиры, вурдалаки, неотличимые от живых, и т.д. и т.п. Словом —

*Все смешалось в общем танце,
И летят во все концы
Гамма-лучи и бритапы,
Ведьмы, блохи, мертвецы...*

Впрочем, у Мамлеева есть и свой танец. Не менее выразительный. Танец вурдалаков.

«И вдруг все точно сорвались и заплясали под остервенелый звон гитары. Ай-люли, ай-люли, ай-люли, лю-ли, лю-ли. Плясали все, извиваясь, поднимая вверх и руки, и ноги... Однако ж это не был человеческий пляс, а пляс небытия; они даже не ощущали своих движений, подпрыгиваний и своего бешенства; но что-то все-таки плясало в них; это было их существо: комок небытия, который они непостижимым образом ощущали, неподвижный писк исчезновения, трупная бесконечность; и все это истерически тряслось в них, завывая и подплясывая, кружась вокруг себя и поднимая в никуда ручки».

Это цитата из рассказа «Изнанка Гогена». Собственно говоря, это «изнанка Гогена» и есть, изнанка его райских мечтаний и видений идеального мира...

Юрий Мамлеев. Изнанка Гогена. — М.: Вагриус, 2002. — 224 с.

Поль Гоген. Потеря невинности. 1891